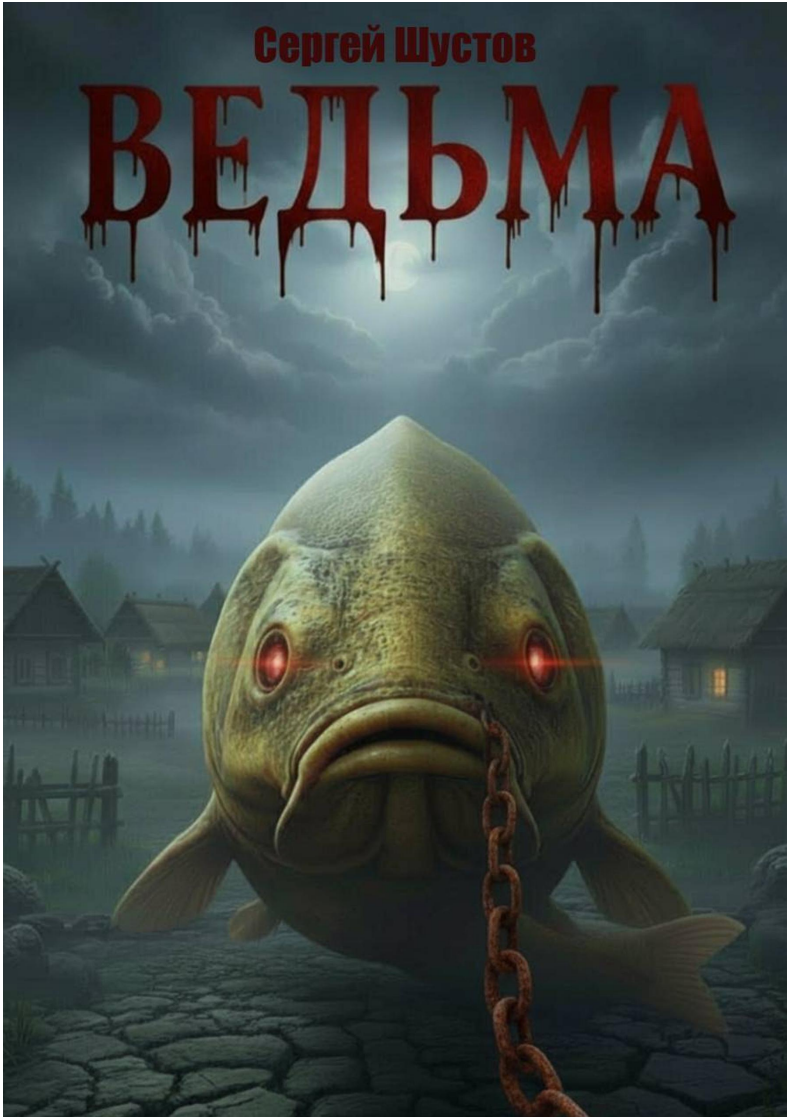
Сергей Шустов

ВЕДЬМА

Сергей Шустов

Ведьма. Книга первая.

https://litres.ru/74758334
SelfPub; 2026

Аннотация

Не спеши лечить психику, может дело в другом...

«Я же ведьма, мы не исчезаем, мы уходим в Навь, а граница между нашей Явью и Навью очень тонкая, как шёлковая нить, которую заплетает чёрный как кошмарные сны паук».

«Только на тебя и надёга, девочка моя, мать твоя не может, нет у ней нашей силы, а у тебя есть, много, ты и сама не знаешь, сколько».

«Словно две дыры, заполненные кровью, как яростью, которая застыла и не может выплеснуться наружу».

Содержание

Ведьма. Книга первая. 4
Глава 2. 12
Глава 3. 25
Глава 4. 34
Глава 5. 39
Глава 6. 49
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Сергей Шустов
Ведьма. Книга первая.

Ведьма. Книга первая.
Глава 1.

Огромная жёлтая рыбина ударила хвостом и пошла на глубину. Два красных, огненных глаза сверкнули как угли в темноте. Переваливаясь с боку на бок блестящее тело развернулось, остановилось и снова рванула в сторону. Огромная и неповоротливая туша скорее походила на деревянное бревно, а вовсе не на рыбу, и только редкие и мощные движения говорили о том, что это нечто живое, яростное и сильное.

Рыбина повернула направо, изгибая своё гладкое тело. Такие же жёлтые, как и сама рыбина, плавники и хвост походили на паруса, но были неподвижны, будто неживые, застывшие как в смоле, словно и не влияли на них никакие физические законы. Плавники — острые как ножи, отливая блеском по краям, резали пространство тихо и беспощадно.

Тело, если это можно так назвать, казалось чистым и гладким, совсем без чешуи, и как будто даже приятным на ощупь. Рыбина вдруг остановилась и медленно развернулась

всем своим грозным объёмом, и только глаза, эти дикие, животные глаза, опять загорелись в темноте.

Что-то знакомое было в этих глазах, что-то близкое и родное. Ещё мгновение, и эти глаза оказались совсем рядом, так что можно было рассмотреть их. Нет, это были не глаза, не было у них ни белка, ни даже зрачков, ничего не было. Словно две дыры, заполненные кровью, как яростью, которая застыла и не может выплеснуться наружу.

Они продолжали смотреть так пристально, как может смотреть только родной человек, и чувство близости с этой огромной тушей было так ярко выражено, как будто часть памяти вдруг всплыла и осталась навсегда в голове. Словно бы увидел знакомого человека, так что внутри стало тепло и хорошо от встречи с ним.

Рыба плыла без воды, рассекая воздух огромными плавниками, плавно покачиваясь, без спешки, степенно и важно, будто и не попала на крючок. Вдруг Оля вздрогнула и напрягла руки, но огромная сила потянула её вперёд. Сила показалась такой грубой и дикой, что сопротивляться ей было бы безумием. Всё тело стало внезапно каким-то чужим, ватным и не хотело слушаться, будто сотни цепей сковали её по рукам и ногам, не давая и шанса вырваться.

Оля попыталась кричать, но вместо крика услышала музыку — музыку старого патефона, что стоял у бабушки в деревне. Музыка звучала так отчётливо и громко, что стало не по себе. Попыталась крикнуть опять, но только музыка, ко-

торая оказалась вдруг другой, окружала и погружала в себя.

Оля осмотрелась по сторонам. Совершенно голая она стояла ночью на берегу какой-то реки. Под ногами, когда она посмотрела вниз двигалась скользкая красная глина, ноги стояли, но неустойчиво, немного увязли, но не глубоко, холода от земли она не ощущала, только обволакивающее тепло на плечах, как если бы кто-то подошёл сзади и накинул куртку в прохладный осенний день. Глина вдруг оказалась безжалостно скользкой и Оля поплыла вперёд, а рука державшая леску почувствовала силу сопротивления, почему она пришла на рыбалку ночью и голая её не волновало, а вот отсутствие удочки почему-то задело. Оля потянула руку к себе, думая, что сейчас вытянет добычу, но вместо лески в руках оказалась цепь — ржавая, старая цепь огромного размера, таких она и не видела никогда в жизни. Цепь бесшумно натянулась, и рыбина на другом конце остановилась и замерла, странно и необычно повисая над гладью буро-красной воды. Несколько секунд, а может, минут, а может, и часов длилось это странное состояние спокойствия.

Рыба развернула свою огромную голову, и Оля приняла на себя силу кровавого взгляда, холод пробежал по телу как неожиданная пощечина заставил поморщиться, взгляд пустых глазниц коснулся раскалённым пальцем её лба и Оля словно бы проглотила этот взгляд как факир, глотающий острый нож, пустые и кровавые глазницы отразились в её собственных глаз и словно бы отпечатались на сетчатке, застыв

прогоняя её собственный карий цвет. Оля пропиталась этим взглядом и замерла как под гипнозом, недвижно наблюдаю за всем вроде как бы со стороны. Стало ещё холоднее и левая рука предательски задрожала, она посмотрела на свою руку, мысленно требуя прекратить. Всё это показалось очень знакомым, такой же страх она испытала давно в деревне, когда её чуть не сбил огромный бык. Оля замерла на месте и прижалась к забору, а бык просто пробежал мимо, но чувство, это сильное чувство, осталось как клеймо навсегда в памяти.

Точно так же страшно было и сейчас. Рыбина открыла рот и позвала её: «Оля, Оля» — таким знакомым шёпотом, который тут же успокоил её, и страх исчез, как и не было его вовсе. Голос усилился, так если бы рыбина подплыла ближе, но нет она так же спокойно висела в воздухе, а голос продолжал звать сильнее и сильнее.

— Оля, Оля, вставай, мы ж опоздаем. Опять вчера сидела допоздна в своём телефоне.

Голос и сотрясение тела выдернули из состояния странного сна. Она дёрнулась и, вскрикнув, открыла глаза. Мама уже вышла из комнаты, и Оля медленно начала впитывать реальность.

— Сон, это был сон, — едва слышно прошептала она. — Какой странный, и эта музыка, не могу ничего вспомнить, даже мотив, а казалось так отчётливо и знакомо.

Привстала и села на край кровати. Ещё прохладные лучи солнца медленно заползли на подушку и робко прицелились

на одеяло. Ранее утро, сразу понятно, что хорошая погода, лето было во всём своём величии и красоте.

Несколько минут она просто сидела на кровати и приходила в себя. Ногами коснулась холодного ламината, тут же подняла вверх испытав дежавю сна, как скользкая глина этот проклятый пол отозвался в голове. «Какой странный сон, всё как будто было в реальности, все ощущения казались такими правдоподобными, а сейчас не могу вспомнить никаких деталей, — она осмотрела руки, только что державшие цепь, — Да, была рыбина, глаза и музыка — всё было, но растворилось вместе со сном».

Встала покачиваясь с кровати и накинула висящий на спинке стула халат. Привычка спать без одежды очень не нравилась маме, но порицать было бесполезно. Стоя в белоснежном халате перед окном, она прогоняла нелепый сценарий сна в голове, но его подробности уже растворились, и остались в памяти только кроваво-красные глаза рыбины.

Оля повернулась и чуть не вскрикнула от изумления: на белой стене прямо над кроватью висело полотно, написанное маслом ещё во время учёбы в институте. Белый прямоугольный подрамник длиной чуть более метра с натянутым холстом, на котором густым маслом были изображены два красных круга рядом друг с другом. От такого острого впечатления перехватило дыхание.

— Вот они, эти глаза! Надо же, как интересно работает мозг, превращая картину в целый сюжет какого-то хорро-

ра, — Оля дернулась и мурашки, как сигналы внутреннего страха, раскатились по всему телу. Провела рукой, чувствуя сильное возбуждение. За эту неделю это уже был третий такой странный сон.

«Наверное, мама права, и не нужно перед сном смотреть ужасы. Может, выкинуть картину? Тогда и сны такие не будут сниться». Но тут же отвергла дикую мысль: «Нет, это бред. Картина ни при чём. Всё дело в работе и переутомлении».

Снова подошла к окну. День действительно был чудесный — ясный и солнечный. Только голова немного побаливала, точнее, была тяжёлой и какой-то не своей.

— Оля, давай быстрее! — крикнула мама с кухни. — У нас мало времени, опоздаем.

Накануне вечером позвонила тёти Кати из деревни: "Бабушке плохо — нужно приехать".

Мама спешила. Нужно проехать 50 километров на электричке, а потом ещё два километра идти пешком — путь неблизкий. Оля попыталась визуализировать дорогу, но память подводила: она помнила только саму станцию, а дальше — лес, тропинка, да и всё.

— Оля! — уже громко крикнула мама. — Да что с тобой? Стоишь, смотришь в одну точку. Мы же опоздаем!

Она вдруг вынырнула из воспоминаний и сама не поняла, как оказалась на кухне с чашкой кофе и в одном нижнем белье.

— Когда я успела его надеть? — спросила она вслух. — А где мой халат?

— Какой халат? — удивилась мама, — Давай быстрее! — мама уже была одета и возилась с сумками. — Сейчас, мама, уже иду! — Оля быстрым шагом направилась в ванную.

— Если мы опоздаем на поезд, не обижайся, — сердито сказала мама. — Да ладно, вот уже подъезжаем, — ответила Оля, на новый укол. Мама как и всегда в прочем сидела с недовольным видом на заднем сидение такси. Оля сидела рядом, стараясь не смотреть на маму, которая периодически осуждающе смотрела на дочь, которая видите ли изволит кататься не на автобусе, как это положено, а на такси. Оля так и слышала в голове эти упрёки, стараясь не давать повода для осуждения. Машина затормозила у самого входа на Курский вокзал, молодой парень вышел и открыл багажник.

Мама схватила большую сумку и рюкзак, сунула Оле сумку поменьше и направилась ко входу. Электропоезд уже стоял на платформе, приглашая всех желающих в путешествие сначала по ближнему, а затем и дальнему Подмосковью.

— У нас целых десять минут, мы успеваем.

— Я так не могу, лучше приехать раньше, — резко ответила мама, шагая неправдоподобно быстро, Оля едва успевала за ней.

Поезд медленно тронулся. Мама суетливо перебирала сумки и рюкзак, повторяя как мантру: «Так, это я взяла, а это? Что это?» Мама не говорила конкретно что, но список

в её голове содержал всё необходимое, и она следовала ему, вызывая улыбку на лице Оли.

— Вот, что это за цвет? — Оля осматривала вагон, — Почему не позвонить специалистам и не спросить, в какой цвет нам покрасить стены в поезде? Специалист попросит фото вагона, возьмёт веер, приедет и подберёт. Краску всё равно покупать, почему бы не взять подходящий сразу? Или вот сидения, почему они тёмно-синие? Кто выбирает? А ведь действительно есть человек, который говорит: „Вот цвет сидений такой, а стены такие“. Посмотреть бы на этого человека. А что далеко ходить? Если спросить этих людей: „Вам нравится интерьер вагона?“, наверное, даже не поймут вопроса. „Нормально, нравится“.

Придвинулась к окну. На соседних местах никого не было, и вряд ли уже будет — там всего две или три остановки. Она сняла кроссовки и вытянула ноги на противоположное сидение.

Глава 2.

В кармане джинсов заныл телефон, и Оля тут же поняла, даже не смотря на экран, кто это звонит. Да, это был начальник, или шеф, как его называли все в студии, где она работала. К своим тридцати годам Оля уже сменила пять архитектурных студий из-за, так сказать, несовпадения линии руководства с внутренним миром свежего выпускника МАРХи.

Совсем другому учили её в институте. Преподаватели с высоких кафедр твердили о ценности архитектора, о великой значимости как творца и иногда даже связывали архитектора с богом, потому что творить из ничего нечто величественное и монументальное дано только самому высшему разуму на всей планете. Конечно, такие речи впечатляли и втирали в подвижный разум будущих архитекторов мысли о том, что они почти боги. Их должны не просто уважать и ценить, а носить на руках. Вот и вышли на свободу в мир все эти новоиспечённые божественные создания. Оля посмотрела на задремавшую маму, закрыла глаза, вспоминая самое начало своей карьеры.

— Что? Бумагу подавать? Я же архитектор, а не прислуга!

Но это были только мысли в голове, и, конечно, высказать их вслух она не решилась. Взяла бумагу и села у принтера. Проект был не просто большим, а огромным — листов на

двести, наверное. Там были и рендеры (так в среде дизайнеров и архитекторов называют фотореалистичные картинки будущих зданий), и чертежи, очень подробные и досконально детальные. Оля взяла один лист и начала пристально смотреть, насколько всё подробно начерчено.

— Положи на место и не трогай ничего, — услышала она голос за спиной. — Твое дело — вовремя класть бумагу.

Это была Настя, то есть Анастасия Михайловна, помощник директора. Надо же, помощник! Всего на пару лет старше меня — и помощник директора. В чём же она помощник? Мысли о моральном облике Анастасии Михайловны в ярких образах и без лишней одежды прошли как фильм в голове. Оля улыбнулась и даже не заметила этого.

— Что ты улыбаешься? Бумага где? Давай быстрей клади. Вот тебе и работа архитектора.

Примерно через месяц подобной работы директор, оказавшийся тем ещё выдумщиком, назначал (конечно, не сам, а через своего помощника) специальные задания вроде забрать костюм из химчистки или купить домой продукты. А однажды пришлось даже погладить рубаху, потому что белоснежная, та, в которой директор приехал, была испачкана чашкой неловкого кофе.

Анастасия Михайловна, или просто стерва Настя, добавляла к каждой из задач директора ещё и поручения от себя, вроде покупки лака для ногтей. И не просто лака — дешевку стерва Настя не выносила. Лак должен быть фирменный,

определённой марки, и приходилось с костюмом из химчистки наперевес ехать через весь город на метро в поисках этого чудо-лака. В общем, кошмар.

Вторая студия была очень близко от дома — пешком минут десять, что было очень удобно. И, несмотря на сомнительную репутацию, о которой говорили другие архитекторы, Оля подала резюме и была тут же принята в штат, даже без собеседования. И работа, очень короткая в этом, так сказать, архитектурном бюро, запомнилась на всю жизнь.

Как позже поняла Оля, студия участвовала во всех тендерах по архитектуре, реставрации и ремонту, не упуская ничего.

— Зачем столько заказов? У нас же всего пять человек работает? — как-то спросила она своего коллегу.

— Заказов не бывает много, — ответил коллега. — Мы же их всё равно делать не будем.

— Что? — не поверила своим ушам Оля. — Как не будет?

— Да вот так, сольём помои свиньям, — с улыбкой ответил коллега.

И тут стало прямо очень интересно. Во время перерыва на обед пристала к коллеге с вопросами, и он всё выложил, даже не думая скрывать ничего.

Оказывается, бюро набирает заказы, имея архитектурную лицензию, и перепродает их по договору субподряда людям, которые такую лицензию не имеют, на том и живёт, причём весьма неплохо. Эти люди, которые выкупают право на про-

екты, реставрацию и на стройку, мягко говоря, неквалифицированные, и отдают проектирование на фриланс вообще непонятно кому. Реставрация и стройка достаётся гостям из ближнего зарубежья. И получается, что все эти тендеры на строительство детских садов и школ в итоге попадают в руки людей без нужной квалификации. И надо ли говорить о том, что получается на выходе?

— Кошмар.

— Почему? — удивился коллега. — Все довольны, в чём проблема?

— Как в чём? А качество? Там же дети учатся.

— Ну учатся и что? Кто-то судится потом, кто-то нет. Шеф знает, кому дать, — таков был ответ коллеги.

Но когда на следующий день узнала, что образование архитектора есть только у неё, то даже не удивилась этому немыслимому положению. Но сильно удивилась, когда шеф вызвал её к себе в кабинет, закрыл за ней дверь и предложил сесть. То, что он говорил дальше, было как бред, который несёт сумасшедший.

— Слушай, как там тебя… Света?

— Оля.

— Ну да. К тебе есть задание, очень важное. У нас в перспективе хороший тендер, большой, но есть одна проблема. Ну никак один человек не хочет упростить условия тендера.

Шеф говорил медленно, явно подбирая каждое слово.

— Тендер, как я сказал, большой и нужен нам. Так вот, на-

до к нему поехать и убедить смягчить условия. Ты у нас девушка молодая, красивая, Борисыч таких любит. А всё сделаешь как надо — получишь премию в конце месяца, согласна?

— Куда поехать?

— Куда? К нему. Я договорюсь, у меня его охрана на подкорме, пропустят. Подойдёшь к Дарье Петровне, она проинструктирует.

У шефа зазвонил телефон, и он бесцеремонно выставил Олю за дверь.

Наверное, минуты три стояла как столб у двери кабинета и осознавала всё сказанное. Суть слов «убедить смягчить условия» и «Борисыч таких любит» до неё дошла только через полчаса, пока она вновь и вновь проигрывала разговор с шефом в своей голове. Конечно, больше в это бюро она не пошла.

В третьей студии пробыла ровно один день. Всё начиналось очень красиво: крутой офис в центре, безумно красивая девушка на ресепшен, собеседование, правда, без директора, проводил его заместитель. Сказочные условия работы и глубокое разочарование после…

В конце почти часового разговора с заместителем, интересным и представительным мужчиной солидного возраста в тёмно-синем пиджаке и малиновых лакированных туфлях, Оля подумала, что попала в рай. Заместитель предложил познакомить с коллективом, и в сопровождении этого импо-

зантного мужчины вышла из переговорной и спустилась на первый этаж в просторное фойе.

— Какой огромный офис! Потолок метров восемь, наверное. Дизайн в стиле минимализм.

Да, конечно, она знала об этом стиле, но только по западным изданиям. Тогда ещё этот западный шик был в Москве чем-то неслыханным.

Фойе было белоснежным и очень просторным, отчасти из-за огромных, чуть не до потолка окон с ажурным плетением, и белых, чисто белых стен, пола, потолка и всей мебели. Даже вазы и те были белые. А вот люди, сотрудники, напротив, носили тёмные цвета, что делало их фигуры как будто вырезанными из бумаги и в качестве аппликации добавленными на белый холст. Впечатление было потрясающим.

Вместе с заместителем они прошли в коридор справа от ресепшена и свернули через десяток шагов налево. Помещение и интерьер резко изменили свой внешний вид, превратившись в подъезд многоэтажного дома. Такой резкий контраст, будто из сказки, где принцесса превращается в грязную нищенку за одно мгновение, резко взбодрил Олю.

И теперь они шли по грязному и дурно пахнущему коридору и смотрелись весьма нелепо: прекрасно одетый мужчина с запахом дорогого парфюма шёл по грязному коридору с девушкой в джинсах и худи. Это зрелище напоминало сцену из абсурдного фильма, в котором охранник ведёт в камеру преступника, только роли должны быть изменены: охранник

должен быть в джинсах, а она — в дорогом костюме.

Примерно через двадцать шагов эти два нелепо выглядящих в данных условиях человека подошли к двери. Импозантный мужчина открыл дверь, и они вошли в самое архитектурное сердце студии — производственную мастерскую. Первое впечатление было шокирующим: это было будто подвальное пространство, но с небольшими окнами у самого потолка. Маленькое помещение с синими, окрашенными бог весть когда стенами и старой, ещё советской плиткой на полу. С потолка, как лианы, свисали провода разной степени спутанности, на некоторых висели грязные, перекошенные от увиденного светильники.

Зрелище было настолько унылым, что не было слов. Она остановилась у входа, и рот даже открыла от удивления.

— Знакомьтесь, новый архитектор, зовут Оля, выпускница МАРХи, но без красного диплома, — пошутил импозантный мужчина и сам посмеялся над нелепой шуткой, слегка подтолкнув Олю вперёд.

В ответ — гробовая тишина, никто даже ухом не повёл, пару человек только глаза подняли. Очнувшись от изумления, увидела перед собой десять или пятнадцать пошарканных столов, разделённых зелёными перегородками, и людей, стучащих пальцами по клавишам клавиатуры.

— Ладно, вы тут знакомьтесь, — сказал импозантный мужчина, — а мне надо работать.

В одну секунду он уже стучал своими малиновыми туф-

лями по дурно пахнущему коридору.

— Опять Седой забухал! — громко сказал кто-то из сотрудников.

Кто-то невесело хмыкнул в ответ.

— Привет, я Никита, а ты новенькая, — услышала она сзади.

Обернувшись, увидела худого очкарика, который с улыбкой взял Олю за рукав худи.

— Пойдём, я покажу тебе место, — потянув Олю за собой, он подошёл к столу. — Вот здесь садись, рядом со мной. Я введу тебя в курс дела. Вот смотри, — не замолкал Никита, — у меня в работе сейчас коттедж в Видном, уже заканчиваю. Тебе, наверное, чего попроще дадут. Что тебе сказал Валера?

— Что? — вернулось к медленному осознанию действительности, — Какой Валера?

— Валерьян Романович, с которым ты пришла сюда. Что он сказал, над чем будешь работать?

— Ничего не сказал. Он мне час рассказывал, какие вы крутые проекты делаете, что вас все знают и уважают.

— Ага, — выпалил Никита, — это он имеет в уши лить, работа такая у него.

— Какая?

— Такая. Он же зам. Пока Седой бухает, все клиенты на нём.

— Седой? — удивилась Оля. — Кто это?

— Это гендир всего этого — Анатолий Анатольевич Седой. Фамилия такая. Хороший мужик, но бухает по-чёрному, даже жалко.

— Я просто когда зашла в офис, подумала, что это лучшая студия в Москве, а тут такое…

— Это да, студия у нас и правда крутая, известная, мы премии берём каждый год, но относятся к нам как к рабам на галерах. Основной офис ты видела — он для клиентов и их жён, которые, как только видят такое, сразу как дети просят: «Купи-купи!» И Валера ещё на уши сядет с рассказами, какие мы крутые. Заказчиков у нас много, — вдруг замолчал Никита.

Тут уже чёткое сознание вернулось к Оле.

— А Седой, он разве вам не может нормальный ремонт сделать? Вы же студия архитектуры?

— Седой? Так он и не был у нас тут ни разу. Я здесь уже три года работаю и видел его всего раз, и то случайно. Я в начале думал, что его вообще не существует, — рассмеялся он. — Он как призрак, его видят только избранные, а на нас всем плевать.

— Хорошо, а зарплата? Проекты интересные?

— Зарплата — гроши, — как-то совсем по-доброму ответил он.

— Как? Подожди, мне же Валера сказал: от семидесяти тысяч будет плюс премии и всё такое.

— Нет, не будет, — зло сказал Никита. — У нас на посто-

янные штрафы половина зарплаты улетает: за опоздание, не вовремя вернулся с обеда, за разговоры на рабочем месте и много за что ещё.

— За разговоры? Мы же сейчас разговариваем, тебя оштрафуют?

— Нет, не сегодня, сегодня некому — все уехали в наш другой офис, там большое совещание сегодня.

— Но самое страшное, — продолжил он, — если ты не сдаёшь проект вовремя, тогда ещё по шапке получишь и, конечно, лишат части зарплаты. А в целом жить можно, но текучка высокая. Раньше у нас был здесь Вадим Степанович, старший архитектор, он обучал новых, давал им задачи, вот теперь я этим занимаюсь…

В четвёртой студии, которая была довольно далеко от дома, директор сразу дал понять, что готов предложить, но совсем не работу, а себя. Что семья у него хорошая и жена — золото, что он любит её и детей, даже фото показал. Зачем? А сам такой маленький и кругленький, как колобок — вот толкнёшь его немного, он и покатится.

Оля вышла из кабинета в смущении и услышала слева:

— Уже домогался? — белозубо улыбаясь, спросила стройная взрослая женщина лет сорока.

— Да ты не парься, он ходок, всех клеит, никого не упустит. У нас тут одни парни работают, смотри его жена всех девочек выживает, и тебя, если захочешь остаться, — так же широко улыбаясь и без тени смущения, сказала взрослая

женщина.

— А вы как работаете?

— А я его сестра, — ласково ответила взрослая женщина и не пошла, а поплыла по офису, как дорогой и недосягаемый корабль. Только стук звонких каблуков начал медленно стихать, и звуки офиса опять вышли на первый план.

— Добрый день, Аркадий Сергеевич, — наконец ответила Оля на звонок. — Да, конечно, я сдам всё вовремя, у меня тут срочные семейные обстоятельства, но они мне не помешают, точно, да, обещаю, спасибо, — и нажала клавишу отбой.

Аркадий Сергеевич или просто "шеф" был мужчина высокий и стройный, который для своих шестидесяти пяти лет выглядел очень хорошо: тёмно-серый пиджак и брюки со стрелочками, тёмно-серая рубаха в цвет костюма и жёлтый, как подсолнух, галстук.

Женат, имел двоих детей и уже был дедушкой. Жил он за городом в элитном и закрытом коттеджном посёлке с охраной. Оля это знала, потому что как-то пришлось срочно ехать домой к шефу и отвозить макет торгового центра. Аркадий Сергеевич не любил звонки по телефону, предпочитая живое общение, и в этот раз, лёжа дома с простудой, попросил привести ему макет для финальной резолюции. Оля как самая ответственная по мнению шефа сотрудница выполняла подобные поручения с радостью. Само участие в проектах такого размаха окрыляло и поднимало точку гордости до

небес, придя в студию по протекции своего одногруппника, Оля была готова хоть бумагу в принтер подкладывать, только бы работать в "АС групп". Вакансии в это богом избранное место не проникали на доски объявлений в интернете и пустовали совсем не долго, в этой студии желали работать все. Но другие просто желали, а Оля мечтала. И вот наконец-то она часть команды. Конечно радости не было предела, но когда шеф лично побеседовал и изучил портфолио карьера тут же взлетела вверх. Ожидавшая должность подносителя бумаги, Оля за минуту выросла до архитектора студии. Даже дыхание сбилось и скомканное спасибо пришлось вытягивать из себя силой.

За несколько лет поиска работы Оля отчаялась, но руки не опустила, продолжая собирать портфолио. Там, где она хотела работать, не было вакансий, а работать в сомнительных студиях, нет, лучше мыть посуду в ресторане. И когда одногруппник Андрей позвонил и предложил попробовать в «АС групп», сначала не поверила.

Да и мама постоянно пилила: «Не можешь найти работу — найди мужа».

Маму можно понять — она работала одна, и дочь поднимала тоже одна. С мужем не задалась жизнь семейная: он ушёл, и больше не появлялся, и не интересовался жизнью дочери никогда.

Оля была на грани поиска уже любой работы, как вдруг этот звонок от старого товарища.

— Андрей — мой спаситель, — пронеслось в голове, когда поезд начал сбавлять ход, готовясь к остановке.

Глава 3.

По обе стороны полупустого вагона замедляли движение высокие деревья, которые, как забор, закрывали напрочь вид, и понять, где ты находишься, можно было только по названию самой станции. Поезд со скрипом замер, и двери открылись. Женщины, взяв небольшой багаж, вышли на залитый солнцем и раскалённый жарой перрон.

На станции не было ни души.

— Ничего не изменилось, как было пятнадцать лет назад, так и сейчас, — Оля крутила головой, — разве что деревья стали выше.

— А что тут должно измениться? — задала мама риторический вопрос.

Сама станция была простой платформой, то есть некой возвышенностью над уровнем земли со старым от времени и беспощадно изъеденным морщинами асфальтом, который лежал на этом месте, наверное, с самого начала, когда платформа была построена. На тонком и ржавеющем металлическом столбе болталась такая же ржавеющая пластина с надписью, которую неместный человек уже и не в состоянии будет прочитать. Около столба — скамейка, точнее сказать, скелет: два полумесяца опор уже, как видно, давно ничего не подпирали, старые доски сломаны и унесены на местные

нужды.

— Ну и дыра, как тут жить? — Вслух выдала Оля грызущие мысли.

— Тут никто и не живёт, — резко сказала мама и всем своим видом показала некоторое возмущение от слов дочери. Конечно, это же места детства — мама здесь выросла, и для неё это почти святая память, о которой, конечно, не стоит говорить плохо.

Вплотную к платформе, в двух шагах от лавочки, был проход, ступени, с оголённым камешками, которые когда-то покрывал защитный слой цемента. Местами покрытые зелёным мхом, ступени неприветливо не давали другого выбора, кроме как наступить на их старое туловище. Ступая аккуратно, вслед за мамой Оля сморщила губы коснувшись белым кроссовком мягкой, зеленой жижи, сырая земля уводила узкую тропинку в глубину леса.

Шли минут тридцать по смоченной дождём земле между высокими и густыми деревьями. Заблудиться было невозможно — никаких поворотов, только извилистая тропа. Деревья, создававшие густую тень, надёжно защищали от палящего солнца. Небольшой ветерок, чудом пробравшийся в заросли нежно потрепал деревья и исчез где-то в глубине. Пели птицы, поочерёдно дразня друг друга раскатистыми переливами.

— Я так отвыкла от этого, — подумала Оля, пытаясь глазами поймать невидимый ветерок, который легким холодком

коснулся шеи, словно бы погладил кто-то и тут же пропал.

Постепенно лес стал редеть, и через пять минут путники вышли к окраине деревни. Старые полуразрушенные дома первых дворов давно пустовали и доживали свой век в полном забвении.

— Страшно, — Оля невольно представила, как идёт здесь дождливым осенним вечером в сумерках, и по телу пробежали неприятно щекотящие мурашки.

С каждым годом деревню покидали коренные жители, одни по своей воли в поисках лучшей жизни, а иные по воли создателя, находили покой на местном кладбище.

— Как всё изменилось, — сказала Оля вслух, в детских воспоминаниях деревня жила, а сейчас... Словно бы деревенское кладбище резко перестало иметь чёткие границы и распространилось на дома и улицы. Косые строения чернели пустыми глазницами, зарастая кустарником и погружаясь в природу, на лавочке, некогда не вмешавшей всех желающих бабушек, лежал какой-то белый пакет, серый забор показывал острые пики своих гнилых клыков. Ни души... Сырость лесной земли осталось за спиной, горячая пыли дороги легко поднималась под ногами словно бы приветствую редких путников, но тут же разочарованно оседала вниз.

Наконец они подошли к дому детства. Сразу стало ясно — дом обитаем. Да, старый и покосившийся, но в палисаднике чисто, на окнах кружевные занавески. Забор ярко белел на солнце, потрескавшимися досками, охраняя цветы от

случайного посягательства.

Калитка, как всегда, открыта. На крыльце, по обе стороны, на деревянные столбики опирались серые доски скамеек. На этих скамейках Оля вместе с бабушкой сидела до самого вечера, перебирая картошку. Это была единственная работа, до которой её допускали.

Бабушка выносила на крыльцо два больших ведра, доверху наполненных картошкой разного размера, высыпала содержимое на холщовый мешок, и приступала к делу. Нужно было в одно ведро складывать мелкую картошку, а в другое — крупную.

«Как понять, какую куда?» — спрашивала Оля. Бабушка показывала большой палец и прикладывала к нему указательный: «Вот смотри, меньше большого пальца — мелкая, её сюда», — кивала она на ведро слева. «Большую — в другое. А среднюю? «Ту, что больше — в другое», — повторяла бабушка.

Эта нехитрая работа занимала почти час. «Ты что там возишься? На десять минут работы!» — подходила со двора бабушка. Но для Оли это была не работа, а забава. Она брала в руку картофелину и представляла, что это птица, подкидывала вверх, ловила и снова подкидывала. Другая картофелина превращалась в огромного кита, и она таскала её по полу, издавая звуки воды. Кривым и бугристым картофелинам давались имена, и они откладывались в сторону как сокровища.

Время за этой игрой летело незаметно. Бабушка иногда подходила и ворчала, но разве можно остановиться, когда идёт битва кита и слона? С криком сталкивала картофелины друг с другом, и они разлетались по всему крыльцу. Как это было весело! Когда бабушке надоедала такая «помощь», она подходила, сгребала всех «животных», «птиц» и «рыб» в одно ведро — игра заканчивалась.

Не заметила, как остановилась перед крыльцом, погрузившись в приятные воспоминания.

— Ну? Чего остановилась? — спросила мама, уже надевшая тапочки и стоявшая на крыльце. — Давай поживее!

Оля поднялась на крыльцо и села на лавочку. Бабушка никогда не заходила в дом в уличной обуви — на крыльце всегда были тапочки, старые и продавленные, хранящие форму её стопы. Сейчас тапок не было.

Сняла обувь и босиком прошла в дом. В прохладном воздухе почувствовала запах, с детства знакомый, так пахли травы, свежие цветы и обед, который у плиты готовила ей бабушка.

Сам домик был одноэтажным и очень низким — до потолка, встав на цыпочки, можно было пальцами коснуться потолка. Внешне и внутри — деревянный, с той только разницей, что снаружи дерево — тёмное и грубо обработанное, а внутри — светло-серое и гладкое. Построенный ещё до войны прадедом Оли. На старых фотографиях, которые показывала бабушка, дом был гораздо светлее снаружи, чем сейчас

— время нещадно забирало молодость в качестве оплаты.

На полу в одном и том же месте скрипел пол. Оля остановилась и вспомнив перешагнула, аккуратно ступая по ковру.

В комнате стояли вёдра, лопата и ещё какой-то инвентарь, видимо, бабушка не успела его убрать. Из главной комнаты вела узкая дверь в такую же узкую спальню.

На древнем продавленном диване лежала бабушка. Рядом стояла табуретка с какими-то баночками лекарств. Было непонятно, спит она или находится без сознания — её живот еле-еле поднимался и опускался, дыхание казалось тяжёлым, словно какой-то насос с силой выдавливал воздух.

— Приехали, вот как хорошо-то, — послышался голос сзади. Тётя Катя, подруга и ровесница бабушки, которая и позвонила маме, бесшумно, как кошка подкралась сзади. Страшно подумать, что эти две женщины дружили более шестидесяти лет, с самого детства.

— Плохо ей совсем, — сказала тётя Катя. — Неделю как упала во дворе. Позвали врача, с племянником мы её положили на диван, вот я и хожу за ней уже неделю.

— Неделю? А почему не позвонили сразу? — спросила мама.

— Она сказала не звонить, — странно ответила тётя Катя.

— Что сказал врач?

— Да ничего, покой нужен, и остаётся только надеяться на лучшее.

— Надо скорую вызвать!

— Не приедет она сюда, дочка, — вновь ответила тётя Катя. — Далеко им и не нужно.

— То есть как «далеко и не нужно»? Мы что суши заказываем? — возмутилась Оля. — Обязаны приехать, это их долг!

— Да какой долг, — махнула рукой тётя Катя. — Вам, городским, не понять. Никто не приедет сюда, тем более к ней.

— Как такое возможно? Это же Подмосковье, а не глухая тайга! — продолжала Оля.

— А как же тогда? — спросила мама.

— Хотите, берите и везите сами до больницы. Но врач сказал, нельзя её трогать — может стать хуже.

— А как понять, как её лечить? — спросила Оля, глядя на бабушку.

Серое лицо которой показалось чужим, за закрытыми веками подергивались зрачки, слегка приоткрытый рот неподвижно застыл и медленно расплылся в странной улыбке.

Оля увидев это приблизилась.

— Я ждала тебя, — не шевеля произнесла бабушка.

— Она говорит, — Оля отшатнулась назад.

— Да, бог с тобой, — Тётя Катя махнула рукой, — Она неделю как ни слова не сказала.

— Но она только что... — Оля замолчала в недоумении.

Бабушке было почти восемьдесят, и до болезни всё по хозяйству делала сама, обходилась без помощи. Привычка

много работать укоренилась в ней с самого детства — очень трудного, послевоенного детства. Отец погиб на фронте в сорок втором году, и мать осталась с тремя детьми одна. Все жили в этом самом доме и как-то умещались в тесноте. Но это было неудивительно — так жили в деревне почти все. В то время здесь было много людей, и домов насчитывалось почти пятьсот.

Детство — тяжёлое и полуголодное, о котором она сама никогда не говорила. Но Оля знала это по рассказам мамы. Бабушка была старшей в семье — были ещё сестра Света и брат Коля. И брат, и сестра не дожили до пятидесяти: Света спилась вместе с очередным мужем, а Коля пропал без вести где-то на Урале, куда уехал работать. Детей ни у сестры, ни у брата не было. Девушка Даша выросла, но замуж не спешила, регулярно получая приглашения, так же регулярно отказывала, пока в деревню, по распределению не приехал молодой хирург по имени Семён. Девушка, которой на тот момент было за тридцать, сдалась. Сыграли свадьбу и стали жить, самой обычной жизнью.

Но жизнь эта оказалась недолгой, Семён получил распоряжение в течение трёх дней прибыть в Москву для распределения и отправки в Афган. Сколько ни плакала Даша, сколько ни просила остаться, что-то придумать — всё было без толку. Отчаянный патриот, Семён даже был рад, что Родина вспомнила о нём. Работа в деревне почти избавила талантливого хирурга от операций — некому было их делать,

разве что рану зашить и не более того. Он прибыл в Москву на следующий же день, оставив жену и дочь без долгих проводов.

В восемьдесят седьмом пришло письмо: хирург Семён Алексеевич Остапов пропал без вести при атаке на полевой госпиталь недалеко от Кандагара. «Поиски пропавших продолжаются, но результатов пока не дали. Всё осложняют песчаные бури, которые почти без остановки бушуют в тех местах». И всё — больше писем не было вовсе. То единственное, о пропавшем без вести хирурге Дарья Ивановна сохранила и перечитывала каждый год ровно в тот самый день, когда получила его. А потом война закончилась.

Дарья Ивановна писала в военкоматы и сама ездила туда, но безуспешно. Ответ был один: «Пропал без вести, и таких пропавших у нас знаете сколько?» — твердили ей бессердечные женщины в приёмных.

Оля молча, склонив голову смотрела на когда-то очень красивую Дарью Ивановну.

— Ты уже час тут стоишь, — мама дёрнула Олю за рукав, пойди вещи разбери.

— Час? — Оля удивлённо посмотрела на часы, стоявшие на подоконнике.

Глава 4.

Тёплый летний день подходил к концу, и багряное светило медленно погружалось в плотные, как вата, низкие облака, заливая их изнутри, словно краска, пролитая на белоснежный холст. Оля задумалась о том, что уже очень давно не видела, как заходит солнце.

Над полем вдалеке лежал полупрозрачный вечерний туман, который шёл от земли и поднимался на несколько метров вверх, плавно перетекая в оранжевый закат. Казалось, нет никакой границы между небом и землёй, что это одно целое, и можно быстро побежать вперёд и забрать по туману на самый верх и коснуться горячего солнечного дика.

«И так здесь каждый день», — Оля удивилась высказанному восхищению. «Это же просто природа, и всё. Как странно: час от Москвы — и ты уже словно в другой мир попала, со своим течением и своими законами жизни. Здесь, в деревне, вечером тишина, и время не движется — оно замерло, как и сама природа, остановилась и ждёт, выжидает чего-то. Удивительно, но можно слушать тишину, оказывается, можно даже прислушиваться к ней и ждать, когда она станет ещё тише».

Солнце почти зашло, и Оля оказалась в сумерках. Только лёгкий свет из окон бабушкиного дома еле-еле долетал до

скамейки. Она встала и пошла в дом.

— Чай будешь? — сказала мама, когда Оля наступила на ту самую скрипучую доску, спрятанную где-то в толщине пола.

— Буду, — Оля посмотрела на выдавший её пол, наклонилась и вытянула из-под стола табуретку, когда сделанную её дедом и обвязанную сверху ажурным узором шерсти, бабушка рукодельничала. Мама достала из округлого холодильника, завёрнутые в фольгу бутерброды и выложила на стол. У бабушки, как и у всех оставшихся жителей деревни, не было в доме газа, но был баллон, стоявший на полу кухни. От него шёл чёрный шланг к маленькой плитке на две конфорки. Этот баллон привезла мама, когда однажды, приехав, обнаружила, что дома нет никакой еды: бабушке нездоровилось, и принести дрова, да растопить печь, было просто некому.

Мама повернула ручку плиты и поднесла зажжённую спичку. Синее пламя взлетело вверх. Повернула ручки ещё раз, и пламя покорно опустилось вниз. Она поставила чайник и села молча за стол рядом с Олей.

— Ну что? Спит? — спросила тётя Катя, которая за этот день то приходила, то опять уходила к себе.

Она подошла и так же как Оля, но только более привычным движением вытянула обтянутый вязаной паутиной ткани табурет.

Оля аккуратно заглянула под стол.

— Сколько же их там? Почему три? Для кого ещё один? А, наверное было два, один для бабушки, второй для тёти Кати, а третий, он немного другой, оттенок отличается, его тётя Катя принесла, — догадалась Оля, смотря вниз и руками ощупывая шерстяную нить замысловатого плетения.

Через пять минут с диким визгом стоявший на плите чайник сообщил о своей готовности. Мама выключила плиту, насыпала чай в заварник и залила кипятком.

— Вот так говорила она, песню что ли поёт, я не поняла, — рассказывала тётя Катя. — Спрашиваю Ивановну, что это ты поёшь, а она опять: «Ля-ля-ля».

— Что? Это про что? — спросила Оля, не слушая до этого разговор женщин.

— Тётя Катя рассказывает, что бабушка, когда заболела, каждый вечер вроде песню какую-то напевала, непонятно. Просто повторяла с открытыми глазами: «Ля-ля-ля» — пояснила мама.

Стало жутко от осознания того, что старость даёт не только мудрость, но может полностью разрушить личность человека, превращая его в маленькое дитя, способное только произносить бессвязные слоги типа «ба-ба» и «ля-ля».

— Совсем я засиделась, — сказала, вставая, тётя Катя. — Вы надолго тут?

— Не знаю, — ответила мама. — Завтра будем думать об этом, сегодня уже нет сил.

Мама пошла в спальню и принесла белое пастельное бе-

лье.

— Постели себе, — она указала на диван и положила бельё.

— А ты?

— Я у бабушки в комнате лягу, на полу.

— Я попробую поймать сеть, — Оля вышла из дома на крыльцо, — ну, давай, — она вытащила телефон и обтягивающего кармана своих синих джинсов и посмотрела на сигнал, подняла руку вверх — ничего, — ладно, может на крышу залезть? Сделала несколько шагов в темноту и оказалась на земле, обернулась и посмотрела на крышу.

— Что? — Оля открыла глаза от удивления, — вокруг печной трубы, извиваясь как змея светилось нечто, обвивая белый глиняный камень, нечто двигалось как если бы, кто-то сверху наматывал на трубу оранжевую веревку, но эта веревка ещё и подёргивалась яркими всполохами, этот водоворот шёл снизу вверх, собираясь над самым коньком кровли во что бесформенное, отдалённо напоминающее шар, показалось на миг, что это голова вроде, но не человеческая, а животная.

— Вот вроде уши и нос, — Оля застыла перечисляя вслух, всё, что видит.

Нечто дернулось, качнулось, резко направилось к трубе и как ведро в колодец, упало вниз.

— Мама, — Оля резким прыжком оказалась на верхней ступеньке, дернула дверь, но в доме уже горел свет, было со-

вершенно тихо.

— И куда оно делось? — опомнившись и стараясь не шуметь, подошла к печи, отодвинула чугунную заслонку, тихо не вышло, тяжёлый металл неприятным скрежетом прошёлся по ушам, Оля отразила этот звук на своём лице и заглянула внутрь, но кроме черноты не увидела ничего.

— Если это шаровая молния, то куда пропала? Или это нормально?

Подошла к дивану, сняла покрывало и постелила себе, расправляя чистую ткань. Легла и повернула голову к печи.

— А если она там сейчас выскочит? Но ничего не происходило. Продолжала смотреть и сама не поняла как уснула.

Глава 5.

Утро началось с привычного запаха кофе. Тонкий аромат доплыл до разума сквозь сон и приятно защекотал нос.

— Вставай, завтракать будем, — быстро сказала мама.

В Москве так выспаться удавалось только после изнурительного рабочего дня, когда сон был неглубоким и чутким. Но здесь всё было иначе — деревня и свежий воздух творили чудеса.

— Вчера я видела молнию, — начала Оля, не сразу вспомнив. Но мама загремела посудой и эта фраза слилась с общим шумом. Оля села на край, поставив ноги на теплый ковёр.

— Как действительно хороший сон улучшает жизнь, вчера день совсем неспокойным был, а сегодня я как новая, — Оля улыбнулась от каких мыслей.

— Как она? — тётя Катя, не замечая Олю прошла мимо.

— Спит, — не зная точно, что сказать, ответила мама.

Две женщины не сговариваясь отправились в спальню к бабушке.

Оля вышла на крыльцо. Спустившись по ступенькам, подошла к калитке. Впереди простирался вчерашний луг. Сегодня пейзаж выглядел иначе: луг плавно переходил в полосу леса вдали. Деревья казались почти синими. Над вершинами раскинулось светло-голубое небо. Лёгкий туман стелился

над сырым дыханием просыпающейся травы.

Оля прошла по дорожке, переступила траву с мокрой росой у самой калитки и вышла на дорогу, непривычная тишина снова зазвучала в голове. Подошла к скамейке и дотронулась — сырая, наклонилась и собрав джинсовую ткань чуть выше щиколотки, подвернула чтобы не запачкать и не намочить в сырой траве.

Прошла по улице вдоль домов, свернула, прошла ещё немного и вышла на поляну. Сейчас это место было почти не узнать — оно превратилось в луг, заросший высокой травой. Никто другой не распознал бы в этом месте прежнюю точку притяжения всех местных детей. Подошла ближе и остановилась не решаясь ступать в траву.

Из Москвы равно как и из других городов ближнего и дальнего Подмосковья в деревню, как мухи на бабушкино варенье, слетались дети разных возрастов, но в основном, конечно, ровесники — десяти или одиннадцати лет.

И когда лето выдавалось тёплым и без дождей, это было настоящее счастье. Дети гуляли утром, днём и вечером. Особенно волшебными были вечера, когда собирались человек по двадцать-тридцать, разжигали костёр и рассказывали страшные истории о ведьмах, которые, конечно же, жили в этой деревне. Каждый рассказчик утверждал, что лично видел всякие чудеса и ужасы, творимые этими ведьмами.

Мишка, белобрысый мальчик из соседнего дома, был одним из самых близких друзей Оли. Когда она приезжала в

деревню, они общались больше всех. По-соседски навещали друг друга каждый день. Двери в домах были всегда открыты, никто даже не думал их запирать, даже на ночь — всё-таки деревня, все свои. Мама привозила Олю сразу после школы, в начале каникул, и оставляла до конца августа, лишь периодически приезжая в гости.

— Интересно, каким же сейчас стал Мишка? Когда им было по двенадцать лет, он украл у родителей журнал с обнажёнными девушками — выпуск «Плейбоя».

Это было в начале двухтысячных, когда «Плейбой» уже вышел из моды и устарел, но выбирать было не из чего. Они вместе рассматривали цветные картинки, и Мишка был в полном восторге от женщин явно за тридцать с пышными формами. Олю же эти картинки удивляли, глядя на эти формы даже боялась, что когда-нибудь станет такой же.

Тогда же, у костра, они впервые поцеловались. Двенадцатилетним детям разрешалось сидеть до двенадцати часов ночи. Поскольку темнело в девять, три часа в темноте, когда огонь освещал только пространство вокруг себя, приводило Олю в восторг. В Москве она ждала лета и деревни, а в деревне — вечера. Иногда кто-то из родителей приносил жареное мясо по случаю дня рождения или праздника, и тогда было совсем хорошо.

Хотя сотовые телефоны уже появились, но не было ни приложений, ни нормального интернета, поэтому никто даже не думал брать их с собой, чтобы «залипать» в экран. Все

смотрели на огонь, как яркие языки пламени облизывали новые поленья, которые дети то и дело подбрасывали в костёр.

— Оля, вставай, иди выпей молоко, да хлеб не забудь, — бабушка потрепала девочку за плечо и исчезла, занимаясь своими делами. И Оля нехотя вставала, пила молоко и на улицу, — Да, точно, у бабушки была корова, но она быстро умерла, и больше животных не было. Странно это, почти у всех были, а у Мишки даже две.

Оля любила животных и часто вместе с Мишкой заходила в сарай посмотреть на огромные покатые бока тёлки. Зорьку, как незатейливо звали корову, все считали белой, но Оля всегда видела её жёлтой. Однажды она даже сказала об этом Мишкиной бабушке, чем сильно её перепугала. Та ахнула, бросила тесто на стол и побежала в сарай. Вернувшись, воскликнула: «Ну ты что такое говоришь? Белая она, как снег белая!»

Оля ещё много раз убеждалась в том, что права, белое, как зимний снег, молоко делало Зорьку жёлтой при сравнении их рядом. Но сказать об этом Мишкиной бабушке она больше не решалась: «Ну белая и белая, мне какая разница?»

Однажды Оля случайно услышала разговор соседок. Они обсуждали бабушку.

— Вот у Ивановны опять тёлка околела, — говорила баба Нина. — Конечно, околела, как не околеть-то, — отвечал незнакомый голос. — Она ж опять за старое взялась. Ох и накажет её бог, и как он терпит-то такое? Неужто не видит?

— Всё он видит и накажет, вот попомни моё слово, накажет. — А слыхала, у Астахиных их матка чахнет? — Ах, да как же это? — с удивлением ответила баба Нина. — Это что ж, из-за неё, что ли? — А то сама не знаешь, из-за кого? Больше-то некому, — ответила другая баба. — У неё как муж-то сгинул, так и пошло всё наперекосяк. — Да знаю я, помню как вчера, будто было это. Вот с того момента и пошло, — продолжал голос незнакомой. — До этого-то тихо было, и скот не падал, а потом началось. Помнишь, как у Семёновны весь выводок помер, все до одной, а потом ещё у Злобиных? — Да помню, помню, — говорила баба Нина. — Все тогда говорили, а ей-то хоть бы что. И ходили, и просили: «Брось ты это, Ивановна, брось, житья ж нету». А она чего говорила? «Не я это, смотреть лучше надо за двором своим, а в мой не лезь». Вот и весь сказ. Но потом тихо было, долго было. — Ну как же тихо-то? — возразила незнакомая. — Как тихо-то? Забыла что ли? Как Олька-то её заболела, так и началось опять. — Да ну чего ты говоришь? — уже почти криком ответила баба Нина. — Это ж потом было. — Когда потом-то? Ничего не потом, как заболела, так и началось, осенью было. — Да какой осенью, лето было. Мой ещё тогда напился и в кустах валялся, всей деревней искали, думали, утоп, а он, сволочь такая, у Таньки, стервы, самогонку выпросил и нажрался. Видеть его не могу, свинью такую. И летом это было, он ж на рыбалку пошёл. — Это когда у Харитоновых дрова покрали? — спросила незнакомая. — Так это осенью было, я как сей-

час помню, осенью. — Да какой осенью?

Спор уже перерос в крик, и Оля ушла, устав слушать. Когда рассказала об услышанном бабушке, та хмуро сказала: — Не верь в эти сказки, бабы дуры, болтают много уж.

Но эта история запомнилась Оле. Она вспомнила, как и правда летом, сильно заболела. Мама тогда была в командировке и не приехала, потому что ничего не знала.

Вспомнила, как её тошнило несколько дней какой-то жёлтой слизью и как стоял вокруг запах рыбы. «Да, рыбы, тогда подумала ещё, что отравилась, но чем? И рыбу не ела, а запах стоял в носу настолько чётко, что нельзя было спутать с чем-то ещё. Рыба она и пахнет рыбой».

Бабушка тогда куда-то ходила, принесла траву, сделала отвар и давала Оле пить. Отвар был ужасен на вкус и напоминал навоз по запаху.

— Горький, как полынь, — как-то сказала Оля. — Полынь и есть, — ответила бабушка.

Пить это было невыносимо, но делать нечего. Никаких других лекарств, кроме сушёной травы, бабушка не признавала. А когда мама привозила из города таблетки, бабушка их тайком выкидывала. Никогда не пила, только возмущалась и говорила: — Что порошок какой-то пьёте, а что там напихано-то? Не знаете, травят вас, а вы и рады. Вон сколько всего в этих аптеках ваших, а что там? Что?

У мамы не было ни сил, ни желания спорить с бабушкой, и она не спорила, просто говорила: — Хватит, мам, мы по-

няли.

Когда две соседки заговорили о бабушке и о том, что она что-то делает, Оля не придала этому значения. Но когда они упомянули, что летом снова началось что-то странное, и это совпало с её отравлением, ей стало не по себе.

Оля вернулась к реальности, когда солнце уже перевалило за зенит.

— Я простояла здесь несколько часов? Но это же невозможно, я только что пришла.

Осмотрелась по сторонам, ни души, всё та же тишина, хоть всю вечность можно простоять на одном месте, ничего не измениться. Небо затянуло фактурными тучами, как мышцы атлетов, облака играли, словно бы хвастаясь перед собой, то напрягая, то вновь расплываясь, оголяя скрытое светило.

За поляной простиралась окраина деревни, а дальше шли бесконечные поля, которые уже никто не обрабатывал. Колхоз, довольно крупный по меркам советского времени, развалился ещё в конце восьмидесятых и с тех пор никому не был нужен. Удержать молодёжь в деревне оказалось нечем. Советская идеология о светлом коммунистическом будущем рухнула ещё до распада самого Союза, и началась массовая миграция из деревни.

Далеко, почти у самого горизонта, виднелись старые постройки: коровники, свинарники, гаражи для тракторов. Отсюда было хорошо видно, что почти у всех зданий нет крыш,

в окнах нет стёкол. Эти памятники прошлого гордо возвышались над землёй, и только время безжалостно превращало их в часть природы, медленно поглощая и забирая себе то, что когда-то простой советский человек без всякого разрешения взял в пользование — как оказалось, лишь на короткое время. Подходить близко к этим заброшенным строениям не хотелось, и она медленно направилась домой.

— Ну где ты опять ходишь? — с порога упрекнула мама. — Давай бери таз и мочалку, нужно помыть бабушку.

— Я гуляла, задумалась, — ответила Оля, не удивляясь очередной нападке, — а где таз? Где мочалка? — А ну-ка отойди, — строго сказала тихо, как кошка вошедшая тётя Катя. — Не мешай, иди лучше поставь воду греться, нам не хватит.

— Как вы так... — начала Оля вопрос, но остановилась, спрашивать у старушки почему она тихо ходит, показалось странным.

После процедур сели за стол. Мама поставила картошку вариться, тётя Катя резала огурцы и помидоры для салата. День закруглялся, пролетев так же быстро как и вчера. Второй вечер прошёл в разговорах о жизни, судьбе и о чём-то ещё. Когда разошлись Оля снова постелила на диване, погасила свет, сняла одежду, легла и закрыла глаза.

Какой-то шум заставил резко проснуться. Поднялась и села на кровать. Было какое-то состояние сна и не сна одновременно, как будто какая-то полудрёма. Встала с дивана и

увидела, что дверь в спальню бабушки открыта и свет горит. Пошла ближе, заглянула в комнату, но ни бабушки, ни мамы в комнате не было. Вышла на улицу: очень темно, ничего не видно. Спустилась наощупь по ступеням на землю, пошла к калитке, вышла на дорогу и поняла, что стоит совсем голая. «Нужно пойти одеться», — мелькнула мысль, но вдруг впереди услышала «ля-ля-ля», словно напевал кто-то детскую песенку, где-то не близко. Пошла вперёд на звук. Опять «ля-ля-ля», но уже рядом, хотела сделать шаг, но не тут-то было — словно сковало ноги, и шаг стал таким непомерно тяжёлым и невозможным, что пришлось остановиться. Посмотрела вниз и увидела огромную ржавую цепь на своей ноге. Но мысль о том, что это невозможно и только что не было никакой цепи, даже не пришла в голову — всё казалось естественным и правильным.

Цепь вдруг натянулась и повлекла Олю. Без сил сопротивляться, она подалась вперёд, переходя с шага на медленный бег. И вдруг цепь ослабла и провисла под тяжестью металла. Наклонившись взяла цепь в руки — та оказалась совсем не тяжёлой и не такой уж большой. Медленно стала перебирать, переступая упавшие на землю звенья. Цепь натянулась снова, и впереди загорелись два красных огонька.

Огромная жёлтая рыбина вышла вперёд всем своим грозным телом — это была та самая рыбина без чешуи, которую уже не раз она видела во сне. Рыба плыла без воды и совершенно бесшумно, продвигаясь всё ближе и ближе к Оле,

и наконец оказалась прямо перед носом. Рыбина смотрела своими пустыми глазницами, стоя неподвижно, Оля подняла руку и дотронулась — а рыба исчезла, словно и не было её вовсе. Цепь тоже пропала.

«Что это, сон какой-то?» — спросила вслух, но вдруг совсем рядом услышала «ля-ля-ля». Обернулась и на скамейке около дома увидела бабушку — она сидела в ситцевом платье и смотрела вперёд. Подошла совсем близко, когда услышала не «ля-ля-ля», а отчётливое: «Оля-Оля-Оля».

— Бабушка, я здесь, ты меня звала?

Но бабушка не шелохнулась, так и сидела, смотря перед собой. Вроде бы это была бабушка, а вроде бы и нет — очень молодо выглядела, но голос…

— Бабушка, тебе уже лучше? Ты нас так напугала. А где мама? Оля протянула руку.

Бабушка резко повернула голову, но это было совсем не молодое, а очень старое лицо — сильно пожелтевшее, и вместо глаз зияли две пустые дыры. Оля закричала и отпрянула назад, вывалившись из страшного сна.

— Это сон, всего лишь сон, — повторяла Оля чуть слышно и тяжело дыша.

Но бабушка… Как она? Оля встала и пошла к спальне, но ей дорогу преградила мама.

— Как бабушка? Она выздоровела?

— Бабушка умерла только что, — ответила мама.

Глава 6.

— Это я, — сказала тётя Катя, входя в дом. — Скоро врач приедет, позвонила.

Мама сидела в спальне бабушки, Олю так и не пустила войти.

— Нечего там делать, — сказала она.

Сидя на диване поджав ноги, Оля рассматривала большую паутину в углу под потолком, от колебаний воздуха сетка подрагивала.

— Какая большая, — встала и подошла ближе. В самом её центре, разглядела белый круглый предмет, совсем небольшой, с дивана не было видно, взяла табуретку и залезла вверх. Муха, большая и жирная, слегка подрагивала спутанная туго тончайшей ниткой.

— Может её освободить? — мелькнуло в голове.

Паутина задрожала и с самого верха к своей жертве пополз черный и здоровенный паук, перебирая мохнатыми лапами приблизился и замер совсем близко, будто бы рассматривая свою обречённую жертву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.